

ISSN 2524-2369 (Print)

ISSN 2524-2377 (Online)

УДК 821.161.1:[82.02:7.01]

<https://doi.org/10.29235/2524-2369-2024-69-4-321-332>

Поступила в редакцию 26.08.2024

Received 26.08.2024

Т. В. Данилович*Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка, Минск, Беларусь***ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ – СТОРОННИКОВ АВТОНОМИИ ИСКУССТВА О ПРИЧИНАХ СУЩЕСТВОВАНИЯ УТИЛИТАРНОГО ПОДХОДА К ЛИТЕРАТУРЕ**

Аннотация. Статья посвящена осмыслению трактовки русскими писателями разных историко-культурных эпох (А. Фетом, А. Дружининым, Н. Минским, Д. Мережковским, В. Брюсовым, А. Блоком, Эллисом, Д. Бурлюком, М. Цветаевой, Е. Замятиным, А. Воронским, Л. Лунцем, В. Набоковым, Н. Ульяновым, Е. Кропивницким, А. Синявским, С. Довлатовым), отстаивающими в своей литературной критике свободу и самоценность искусства, мотивов прагматического отношения их оппонентов к литературе. Показывается широкий причинный спектр утилитарного подхода к художественному творчеству, выявляемый обозначенными мастерами слова. Отмечается разнородность этих причин с точки зрения цели литератора – утилитариста, внешних обстоятельств, объекта влияния, степени самостоятельности выбора прагматического пути в литературе. Выделяются рассматриваемые представителями русской словесности – апологетами самодостаточности и независимости искусства специфически национальные доводы в пользу утилитаризма. Обозначаются мотивы деятельности писателей утилитарного толка, вызывающие симпатию и уважение у ряда художников слова, отстаивающих идею автономии искусства. Указывается на существование таких ситуаций в общественной жизни, которые последние рассматривают как условия, оправдывающие и даже делающие необходимым выбор утилитарного подхода к художественному творчеству и литературной критике.

Ключевые слова: автономия искусства, прагматическое отношение к литературе, свобода слова, коммерциализация искусства, традиция учительства в русской литературе, вкусы и интересы читательской публики, публицистическая критика

Для цитирования: Данилович, Т. В. Представления русских писателей – сторонников автономии искусства о причинах существования утилитарного подхода к литературе / Т. В. Данилович // Вест. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманітар. навук. – 2024. – Т. 69, № 4. – С. 321–332. <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2024-69-4-321-332>

Tatiana V. Danilovich*Maxim Tank Belarusian State Pedagogical University, Minsk, Belarus***REASONS FOR THE EXISTENCE OF THE UTILITARIAN APPROACH TO LITERATURE IN RUSSIAN WRITERS – SUPPORTERS OF THE AUTONOMY OF ART'S IDEAS**

Abstract. The article is devoted to understanding how Russian writers, who defend the freedom and intrinsic value of art in their literary criticism (A. Fet, A. Druzhinin, N. Minsky, D. Merezhkovsky, V. Bryusov, A. Blok, Ellis, D. Burluk, M. Tsvetaeva, E. Zamyatin, A. Voronsky, L. Lunts, V. Nabokov, N. Ulyanov, E. Kropivnitsky, A. Sinyavsky, S. Dovlatov), interpret the reasons for the utilitarian approach to literature. It is shown that the designated artists in words reveal a wide range of motives for a pragmatic view of artistic creativity. The heterogeneity of these motives is noted from the point of view of the utilitarian writer's goal, external circumstances, object of influence, and the degree of independence in choosing the pragmatic path in literature. Specific national arguments in favor of utilitarianism considered by apologists for the idea of self-sufficiency and independence of art are highlighted. The motives of the activity of the utilitarian writers which evoke sympathy and respect among a number of representatives of Russian literature who defend the autonomy of art are outlined. The existence of such situations in public life is indicated, which supporters of freedom and the intrinsic value of art consider as conditions justifying and even making necessary the choice of a utilitarian approach to literature and literary criticism.

Keywords: autonomy of art, pragmatic attitude to literature, freedom of speech, commercialization of art, tradition of teaching in Russian literature, tastes and interests of the reading public, journalistic criticism

For citation: Danilovich T. V. Reasons for the existence of the utilitarian approach to literature in Russian writers – supporters of the autonomy of art's ideas. *Vesti Natsyonal'nai akademii nauk Belarusi. Seriya humanitarnykh nauk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2024, vol. 69, no. 4, pp. 321–332 (in Russian). <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2024-69-4-321-332>

Введение. В русской литературе разных историко-культурных эпох есть художники слова, которые на протяжении всего творческого пути или отдельных периодов творчества активно отстаивают идеи уникальности искусства в ряду других областей человеческой деятельности,

его свободы, самооценности и самодостаточности. К числу этих писателей принадлежат А. Фет, А. Дружинин, Н. Минский, Д. Мережковский, А. Блок, В. Брюсов, Эллис, Д. Бурлюк, М. Цветаева, Е. Замятин, А. Воронский, Л. Лунц, В. Набоков, Н. Ульянов, Е. Кропивницкий, А. Синявский, С. Довлатов и др. Обозначенный аспект литературно-эстетических взглядов названных представителей русской словесности оказывается в поле зрения многих исследователей: В. Д. Сквозникова [1], Д. Д. Благого [2], Б. Я. Бухштаба [3], А. П. Горбунова [4], Т. Ф. Рябцевой [5], Д. Е. Максимова [6; 7], О. И. Дарка [8], А. Юнгрен [9], А. Ю. Арьева [10], Л. А. Аннинского [11], П. Л. Вайля [12], И. В. Тарковой [13], З. Г. Минц [14], И. С. Скоропановой [15], Т. А. Гавриленко [16], И. Ю. Иванюшиной [17], Е. П. Дерябиной [18], Я. С. Усачевой [19], Т. Э. Ратькиной [20], Е. В. Антошиной [21], Л. И. Шевцовой [22] и др. В ряде исследований содержатся наблюдения о характере трактовки русскими писателями – защитниками автономии искусства эстетических взглядов их оппонентов, избирающих в качестве собственной творческой установки прагматический подход к литературе. Однако работы, которые были бы специально посвящены осмыслению характера трактовки причин утилитарного пути творческой деятельности, выявленных обозначенными представителями русской литературы, отсутствуют.

Основная часть. В литературной критике художников слова, которым близка идея автономии искусства как утверждения специфики его природы и законов жизнедеятельности, решаемых им задач, представлены суждения о прагматизме по отношению к литературе и как результате внутреннего побуждения творца, и как следствии давления на художника извне. К числу первых относится стремление творческой личности посредством литературы активно влиять на общественную жизнь.

Нередко русские писатели, отстаивающие свободу и самооценность искусства, конкретизируют тему гражданского служения художника, осмысливая ее в контексте отечественной словесности. Учительство рассматривается ими как укоренившееся в русской литературе явление, но не благоприятствующее ее развитию. Так, Эллис, констатируя социоцентричный характер национальной словесности, выступает против кристаллизации в сознании современников мысли о проповедничестве как постоянном свойстве и неоспоримом достоинстве русской литературы. Поэт утверждает, что учительство не принесло ничего, «кроме непоправимого, смертельного вреда чистому искусству и, прежде всего, творчеству самих проповедников» [23, с. 76].

М. Цветаева тоже отмечает популярность прагматического отношения к искусству в русской литературе и несовместимость такого подхода с творческой установкой на достижение художественного совершенства создаваемых произведений. При этом поэтесса характеризует утилитарный взгляд на литературу как феномен высокого плана, результат особого статуса художника в русском обществе, большого кредита доверия мастеру слова со стороны читателя, убежденного в способности искусства дать ответы на самые животрепещущие вопросы: «Наш утилитаризм – то, что в пользу духу. Наша “польза” – только совесть. Россия, к ее чести, вернее, к чести ее совести, и не к чести ее художественности (вещи друг в друге не нуждающиеся), всегда подходила к писателям, вернее: всегда ходила к писателям – как мужик к царю – за правдой» [24, с. 391].

Об укоренившемся в сознании русского человека образе творческой личности как учителя и проповедника пишет и прозаик второй волны русского зарубежья Н. Ульянов. Считая недопустимым прагматический подход к литературе, писатель видит в нем главную угрозу для русской словесности, поскольку в России, в отличие от западноевропейских стран, переживших кратковременное увлечение идеологией утилитаризма, она основательно укоренилась, породив огромное количество «фанатических последователей» [25, с. 282].

На существование культа писателя-гражданина в русской культуре указывает также А. Синявский. Он предлагает по-новому прочувствовать смысл выражений «поэзия или дело, красота или польза, Аполлон Бельведерский или печной горшок, художник или сапожник» [26, с. 30], ставших клишированными формулировками проблемы чистого искусства, переключая внимание читателя с эстетической и гедонистической функций художественного творчества на его способность быть полезным человеку в драматических жизненных ситуациях: «Ну а если без увеливаний: или-или? На одной стороне какая-то там красота, какое-то “доставление приятного занятия

уму и вкусу”, а на другой – польза во всем сиянии осязаемого добра, деятельной и благотворящей любви, спасающей и жизнь, и, если угодно, душу несчастного брата, точнее же говоря – уже и не польза в ее плоском звучании, но само спасение взывающего к вам неустанно – доколе? И помощи! – человечества...» [26, с. 30–31]. Притягательность прагматической установки писатель объясняет стремлением творческой личности вернуть слову силу Орфеевой лиры, жаждой быть полезным обществу.

В видении А. Синаевского, утилитарный взгляд на искусство в равной степени разделяет и читатель, и творец в отличие от его собрата по перу в пушкинском стихотворении «Поэт и толпа», который противостоит публике, жаждущей печного горшка. Сам А. Синаевский рассуждает об общественном комплексе русского писателя, не дистанцируясь, а как бы находясь внутри этой ситуации, выражая собственную подверженность влиянию распространенного взгляда на творческую личность.

Многие писатели рассматривают учительскую традицию в русской литературе, обращаясь к осмыслению эстетической позиции конкретных художников слова. Например, часто в поле зрения сторонников автономии искусства оказываются творческие и духовные искания Н. Гоголя и Л. Толстого. Так, А. Фет, которого долгие годы связывала дружба с автором «Анны Карениной» и дружеская переписка с его женой, признается в «безграничном изумлении перед могуществом таланта» этого писателя [27, с. 338], посвящает ему восторженные стихотворения («Графу Л. Н. Толстому», «Графу Л. Н. Толстому при появлении романа “Война и мир”»), но сожалеет, что писатель «зашел в терния каких-то полезных нравочений» [27, с. 338].

Н. Минский в статье «Старинный спор» (1884) характеризует Л. Толстого как жертву распространения в России утилитарного взгляда на искусство. Создатель «Воскресения» рассматривается автором статьи как художник, обладающий «искренностью и впечатлительностью» [28, с. 31] и поддающийся под обаяние благородной цели прагматически ориентированной творческой деятельности, якобы позволяющей принести больше пользы, чем свободное творчество. А в статье «Заветы Пушкина» (1899) Н. Гоголь и Л. Толстой становятся для автора олицетворением чужеродной ему модели художника, основой деятельности которого оказываются культ разума, морализаторство, рассудочность, ориентир на пользу, добродетель и счастье.

Сходным образом интерпретирует творческую личность создателя «Войны и мира» Д. Мережковский, используя пушкинское стихотворение «Поэт и толпа» в качестве контраргумента литературно-эстетическим взглядам позднего Л. Толстого, «который пишет нравоучительные рассказы и отрешивается от “Анны Карениной”, потому что она слишком прекрасна, слишком бесполезна» [29, с. 181]. Однако если Н. Минский негативно оценивает роман «Воскресение», утверждая, что своим произведением писатель «заставляет всю Россию, вместе с самим героем романа, глотать горькое, противное и как будто бы целебное питье рассудочно-морального подвига» [30], то Д. Мережковский восхищается художественными творениями Л. Толстого и подвергает критике только его литературно-эстетические взгляды.

Собственное отношение к творческим и духовным исканиям Н. Гоголя и Л. Толстого высказывает также М. Цветаева. Сопоставляя действенность их отказа от искусства, она отдает пальму первенства автору «Мертвых душ», собственноручно сжигающему свое произведение. Печать цветаевской индивидуальности лежит и на трактовке поэтессой этического подхода Л. Толстого к искусству. Высота художественных творений гениального романиста, с точки зрения М. Цветаевой, заставляет читателя снисходительно относиться к позиции Л. Толстого-проповедника: «Художнику мы прощаем сапожника. “Войны и Мира” из нашего отношения не вытравишь» [24, с. 383].

Н. Гоголь и Л. Толстой в контексте темы утилитарного подхода к искусству оказываются и в поле зрения В. Набокова. Размышляя о гоголевском проповедничестве, писатель-модернист утверждает, что оно было вызвано необходимостью для автора «Ревизора» «кафедры» [31, с. 485], позволяющей объяснить публике нравственную подоплеку собственных созданий. Работа над вторым томом «Мертвых душ» в набоковской интерпретации предстает как попытка, оглядываясь на великих итальянских художников, совмещавших в своих творениях стремление к красоте

и следование христианским ценностям, «создать книгу, угодную и Гоголю-художнику, и Гоголю-святоше» [31, с. 501]. В. Набоков превозносит первую ипостась писателя и считает губительным для творца желание реализовать себя в роли проповедника.

Двойственностью отличается и набоковская оценка творческой личности Л. Толстого. В представлении В. Набокова классик русской литературы – подлинный мастер, которому нет «равного ни в одной стране» [32, с. 93]. Высота Л. Толстого-художника для В. Набокова сильнее оттеняет ошибочность его переключения на идеологические искания и внелитературную деятельность. Последние В. Набоков расценивает как напрасную трату творческих сил, проявляя страстное желание запереть писателя «в каменном доме на необитаемом острове с бутылкой чернил и стопкой бумаги, подальше от всяких этических и педагогических “вопросов”» [33, с. 222].

Осмысление прагматического взгляда на искусство через призму творческой деятельности классиков русской литературы характерно и для А. Синявского, в центре внимания которого оказывается фигура Н. Гоголя. Создатель «Мертвых душ», согласно А. Синявскому, считал обязанностью художника совмещать в себе творческое начало с высокими гражданскими и моральными качествами: «Поэт, на его резон, и гражданином должен быть первостатейным, и человеком лучше некуда, поскольку уже звание поэта предполагает социальную и нравственную значимость, имеющую тенденцию к беспредельному разрастанию» [26, с. 280]. Такой образ мыслей, по А. Синявскому, объясняет ту легкость, с какой создатель «Выбранных мест из переписки с друзьями» дает советы в разных областях человеческой жизни. Стремлением быть полезным обществу, как отмечает А. Синявский, одержим не только Н. Гоголь: «Стоит вспомнить такие, не связанные между собою, фигуры, как Д. Писарев, Л. Толстой, В. Маяковский, не прибегая к более длинному списку литературных имен, чтобы заметить, что Н. Гоголь не так уж одинок в своем иконоборчестве, в священной войне с эстетикой, поднятой под знаменем пользы» [26, с. 28]. Указывая на типичность утилитарного восприятия искусства в русской культуре, А. Синявский тем самым противостоит суждениям о литературно-эстетических взглядах автора «Выбранных мест» как результате его психического расстройств.

Констатируя популярность прагматического подхода к художественному творчеству в русской литературе, писатели, отстаивающие идею автономии искусства, нередко связывают утилитаризм с отсутствием в обществе свободы слова. Например, по мысли В. Брюсова, литература становится опосредованным способом политической пропаганды там, где ограничена или полностью отсутствует возможность применения иных средств провозглашения и популяризации идеологических доктрин. Поэт устанавливает прямую связь между общественными свободами и реализацией принципа независимости художественного творчества: «В свободной стране искусство может быть, наконец, свободно» [34, с. 104–105].

Близкой точки зрения придерживается Эллис. Считая одной из причин использования литературы в служебной роли отсутствие в обществе свободы слова, поэт ратует за независимость искусства от политики и выражает оптимизм в отношении политической жизни в современном ему обществе: положительно оценивает появление в России «эмбриона законодательного учреждения», воспринимает русскую революцию 1905–1907 гг. в качестве «первого активного и реального выступления общественных групп и партий во имя иного распределения экономических и политических ценностей» [23, с. 76]. Отмечая эти перемены, Эллис утверждает, что в русской культуре настало время дифференциации искусства и политики, уверяет в способности марксистской критики лучше справиться с ролью пропагандиста, чем это делают политизированные литературные произведения.

Об использовании художественной литературы в роли подпорок для политики там, где нет возможности свободно выражать собственные воззрения, пишет и Д. Бурлюк. Курс на политизацию творческой деятельности поэт воспринимает как индикатор нецивилизованности государства: «...Политическая жизнь в России вообще не нормальная, идеи ищут выхода. В нормально построенном государстве они (политики. – Т. Д.) гнали бы его через парламентскую трибуну, через “специалистов политики”, у нас же... художественная литература очень часто была во власти политических тенденций» [35, с. 76].

Нередко как фактор, обуславливающий отказ художника от служения только искусству, рассматриваются разного рода катаклизмы в жизни общества. Причем зачастую писатели, отстаивающие идею самоценности искусства, в данной ситуации оправдывают и даже считают необходимым переключение внимания творческой личности на злободневные вопросы. Так, в статье А. Блока «Три вопроса» (1908) невозможность для русского писателя сфокусироваться на решении исключительно задач искусства, необходимость руководствоваться чувством общественного долга объясняется тем, что в России «все дни были по преимуществу черные» [36, т. 5, с. 239]. В период Октябрьской революции А. Блок романтизирует образ творца, испытывающего необходимость отвечать на вызовы времени. В статье «Революция и культура» (1917) поэт пишет: «Мне рисуется жест художника в революционном периоде; это – есть жест отдачи себя, жест забвенья себя как жреца красоты: ощущение себя рядовым гражданином всеобщего дела...» [37, с. 476].

Необходимость в сложные времена активного включения творческой личности в общественную жизнь отстаивает и писатель, редактор литературного журнала «Красная новь» А. Воронский, который утверждает: «Бывают эпохи, периоды, когда прикладное искусство, прикладные науки, агитки, фельетоны, проповедничество получают законное преобладающее значение, – когда художник, ученый должны быть в первую очередь агитаторами, трибунами... Бывают моменты и более крепкие и простые: ученому и художнику... приходится отказываться и от агиток, и взять в руки винтовку вместо пера, стать у пулемета. <...> Но тот, кто отсюда сделает вывод: искусство и наука да упразднятся, будет величайшим простаком, чтобы не сказать более» [38, с. 360]. В этих суждениях подчеркивается не только важность творческой переориентации художника на общественные проблемы в экстремальных для общества условиях, но и временный характер этой меры, вынужденность такого рода деятельности.

Подобно А. Воронскому, идеи ситуативной необходимости подчинения искусства внехудожественным задачам придерживается теоретик литературного объединения «Серапионовы братья» Л. Лунц, который в большинстве своих работ активно отстаивает принципы творческой свободы и самодостаточности литературы. Однако в статье «Об идеологии и публицистике» (1922) он защищает право публицистической критики, использующей художественные произведения как повод для обсуждения актуальных общественных вопросов, на существование в периоды глобальных социальных изменений: «Писаревщина царит в нашей критике. <...> Так должно быть во время революции, когда все в действии» [39, с. 40].

Не отрицает важность использования искусства для выполнения внехудожественных задач в сложные периоды общественной жизни и Н. Ульянов. При этом писатель проводит мысль о ненужности участия в этом высокой литературы. Меньшая восприимчивость публики к настоящему искусству, по мнению Н. Ульянова, делает безуспешными усилия творца, направленные на решение острых проблем: «Что-то жалкое и трагическое чувствовалось в судьбе тех больших художников, которые, подобно Брюсову и Маяковскому, пытались участвовать в борьбе как поэты. Те, кого они собирались осчастливить своим гением, в глаза им говорили о бесполезности усилий, о недоходчивости их стихов до рабочего и крестьянина» [40, с. 38].

Наряду с добровольным внутренним выбором в пользу утилитарного подхода к искусству русские писатели, провозглашающие идею автономии искусства, выявляют причины прагматизации творческой деятельности, которые можно охарактеризовать как следствие давления на творческую личность извне. Часто в качестве такой причины рассматривается культурная политика, направленная на подчинение художника обслуживанию государственной идеологии. Сторонники свободы художественного творчества часто пытаются раскрыть вред такого рода взаимодействия власти с деятелями искусства. Например, в условиях политики военного коммунизма А. Блок отмечает, что директивность и регламентация противоречат самой специфике творческого процесса. Поэт проводит мысль о нецелесообразности искусства как следствии особой природы творчества, несоизмеримости «дела поэта» с «порядком внешнего мира» [36, т. 6, с. 165]. Творческий процесс осмысливается А. Блоком как состояние свободы, когда происходит приближение творца к «безначальной стихии, катящей звуковые волны», «бездонным глубинам духа», «недоступным для государства и общества, созданных цивилизацией» [36, т. 6, с. 163], и последу-

ющая гармонизация принятых в душу звуков. Попытки управления искусством, согласно поэту, обрекают творца на гибель.

Если А. Блок пишет о результатах регламентации деятельности художника для искусства, то В. Шершеневич рассматривает ситуацию поддержки властью тенденциозного творчества с точки зрения последствий такой культурной политики и для литературы, и для правящего класса. В противовес тем художникам слова, которые считают утилитарный подход государственных деятелей к искусству аномальным, поэт-имажинист придерживается точки зрения о логичности этого пути: «...для целей государства только оно (прагматически ориентированное творчество. – *Т. Д.*) и нужно» [41]. В противовес этому для литературы утилитаризм, с точки зрения писателя, крайне вреден. Статья В. Шершеневича «Искусство и государство» (1919) пронизана апокалиптическими настроениями по поводу советского искусства, которое «сковано и убито» [41] чрезмерным вниманием к нему власть имущих. Позже крах имажинизма писатель также будет объяснять не исчерпанностью возможностей этого литературного течения, а неостребованностью в обществе литературы самой по себе: «Сущность поэзии переключена: из искусства она превращена в полемику. И поэтому сейчас, конечно, сильные и ударные стихи Д. Бедного более актуальны, чем лучшие лирические стихи любого поэта» [42, с. 457–458].

Некоторые писатели видят опасность идеологизации искусства в создании благоприятной почвы для процветания беспринципных литераторов-конформистов. В статье «Я боюсь» (1921) Е. Замятин иронизирует над «придворными поэтами», «юркими авторами, знающими, когда надеть красный колпак и когда скинуть», когда «петь сретение царя и когда молот и серп» [43, с. 409]. Позднее поэт Е. Кропивницкий тоже будет отстаивать мысль о неприемлемости конформизма в процессе творческой деятельности, противопоставляя ему абсолютную честность художника в отношении к своему делу, стоическую готовность во имя творчества переносить любые жизненные невзгоды. Красноречивы сформулированные Е. Кропивницким принципы творческой деятельности художника: «Лучше с голоду подохнуть, чем предать искусство на поруганье» [44, с. 536]; «Искусство дело святое и профанировать им и делать из него торговую лавочку – пакость» [44, с. 531] и т. п.

Отрицательно оценивает государственную политику идеологизации художественного творчества и В. Набоков, для которого иллюстрацией губительного влияния утилитаризма на развитие искусства становится литературная жизнь послереволюционной России. Действия советской власти анализируются писателем в сопоставлении с царской и характеризуются как усиление негативных тенденций, имевших место в России XIX в., из-за прибавления к цензуре «метода принуждения целого литературного объединения писать под диктовку государства» [33, с. 27]. В. Набоков констатирует существенное снижение уровня русской словесности в советскую эпоху, несопоставимость созданного в это время в сравнении с классикой предыдущего столетия.

В числе литераторов-эмигрантов с апокалиптическим видением судьбы советской литературы оказывается Н. Ульянов. О деструктивном влиянии на нее поощряемого властью утилитарного взгляда на искусство он отмечает: «Что бы ни писали журналисты, – в СССР ее (литературы. – *Т. Д.*) не существует» [40, с. 25]. Ульяновский пессимизм в этом плане безграничен: «даже в случае отмены стеснений» [40, с. 15] в Советском Союзе литература, по мысли писателя, не сможет развиваться из-за глубокой укорененности в ней опыта утилитарности. Культурную ситуацию в советском обществе как самые неблагоприятные условия для развития искусства, когда у писателя отсутствует возможность «к открытому, свободному и безбоязненному самовыражению» [45, с. 105], характеризует и С. Довлатов.

Наряду с названными причинами утилитарного подхода к искусству некоторые писатели рассуждают также о коммерциализации искусства, когда прагматический взгляд на литературу формируется под влиянием рыночного спроса. В конце XIX – начале XX в. эти суждения были следствием наблюдений за характером творческой деятельности в условиях капиталистического общества. Так, Д. Мережковский, отмечая воздействие законов рынка на искусство, утверждает мысль об их тлетворности для художественного творчества: «Страшно становится, когда видишь, что литература, поэзия – самое воздушное и нежное из всех созданий человеческого духа – все более и более предается во власть этому всепожирающему Молоху, современному капитализму!..» [46, с. 194]. В. Брюсов, размышляя в статье «Свобода слова» (1905) о творческой свободе

в условиях капитализма, уверяет в возможности художника остаться самим собой. Поэт доказывает способность стоического противостояния творческой личности диктату рынка, приводя в пример мастеров искусства, не изменивших собственному призванию, несмотря на бедственные условия существования. В сравнении с Д. Мережковским взгляд В. Брюсова на вопрос о вероятности творческой свободы в ситуации рыночных отношений более оптимистичен. В то же время писатель подчеркивает, что следование этому принципу требует самоотверженности.

Если Д. Мережковский и В. Брюсов осмысливают тему влияния рынка на искусство в контексте развития капитализма в России, то В. Набоков – тенденций развития капиталистического общества в современном ему западном мире. В противоположность писателям, которые воспринимают Запад как образец дифференциации сфер общественного сознания (например, Эллис), В. Набоков в любом обществе видит приверженцев прагматического взгляда на искусство. Литературная жизнь на Западе, с набоксовской точки зрения, отличается отсутствием принуждения «сочинять путеводители» [33, с. 27]. В числе того, что может ограничивать западноевропейских и американских писателей, В. Набоков называет законы рынка.

Подобно В. Набокову, С. Довлатов тоже пишет о возможном влиянии рыночных отношений на творческую стратегию художника. Отмечая существование конъюнктурного подхода к искусству и в советском, и в американском обществе, автор «Зоны» выделяет две разновидности конъюнктуры: идеологическую (в СССР) и рыночную (в США). В отличие от тех, кто убежден в несовместимости законов рынка с творческой свободой, С. Довлатов допускает вероятность полноценной самореализации художника в таких условиях, считая, что «талантливое произведение оказаться рыночным может, а идеологически выдержанным – никогда» [45, с. 267]. В данном случае прозаик ведет речь о возможном совпадении направления исканий творца с рыночным спросом на его произведения, но не о правомерности творческого ориентира на коммерциализацию искусства.

Среди причин утилитарного подхода к искусству писатели-приверженцы автономии искусства нередко называют и воздействие на творца читательской аудитории. Например, А. Дружинин обращает внимание на то, что утилитарный подход может быть результатом влияния на художника вкусов и интересов публики. Разделяя читателей на две категории: «бессмысленный народ», «грубую толпу», которая почти не обладает аналитичностью и требовательностью, и «мыслящую», «прозаически-разумную», «пропитанную современной мудростью» публику [47, с. 307], писатель отмечает, что угрозу представляет последняя, ставящая творца в положение ведомого, лишаящая его свободы. Сохранять верность собственному призванию, согласно А. Дружинину, творческая личность способна лишь обладая внутренним стержнем: «Без силы в наше время невозможно быть поэтом, без спасительного упорства в своем мирозерцании не может существовать ни один человек с поэтическим призванием» [47, с. 307–308]. В дружининской концепции писателя как более способному разглядеть красоту там, где ее не видят другие, отводится роль руководителя массы, ведущего за собой, а не идущего на поводу у публики. С этими мыслями перекликаются суждения А. Фета. Согласно ему, состоявшийся художник в полной мере осознает необходимость ориентира на принцип бестенденциозности художественного творчества. В отношении творческой судьбы того, кто отклоняется от этого пути, фетовский вердикт неутешителен: «Он уже одною ногою сходит с своего незыблемого пьедестала на уровень толпы. Он уже сомневается, колеблется, он решил свое “не быть”» [48, с. 263]. Следуя пушкинской интерпретации взаимоотношений поэта и толпы, А. Фет видит истинного творца жрецом искусства, который не приемлет прагматического отношения к художественному творчеству.

Статьи А. Дружинина содержат также мысли о влиянии литературной критики на вероятность выбора творческой личностью утилитарного пути в искусстве. Писатель раскрывает эту тему, обращаясь к осмыслению тенденций развития русской критики 1840-х гг. и прежде всего деятельности ее ключевой фигуры – В. Белинского. В статье «Критика гоголевского периода русской литературы и наши к ней отношения» (1856) ощутима двойственность дружининского отношения к нему. С одной стороны, автор отмечает весомое влияние В. Белинского и его соратников на развитие русской литературы и воспитание читательского вкуса, характеризует себя как продолжателя ряда традиций, заложенных лидером русской критики 1840-х гг. С другой сто-

роны, А. Дружинин не принимает избранный ею путь поощрения дидактизма в искусстве, утверждая, что такой подход лишил ее права быть «художественно взыскательной», способствовал вхождению в литературу бесталанных писателей и дезориентации подлинных мастеров слова, посчитавших собственным долгом «отклоняться от своего призвания, проводя в своих артистических вещах мысли и воззрения временные» [47, с. 157]. В статье «Стихотворения Н. Некрасова» (1856) А. Дружинин рассматривает некрасовскую творческую судьбу в качестве примера негативного влияния прагматически ориентированной литературной критики на самовосприятие творческой личности. Н. Некрасов характеризуется писателем как тонкий и многогранный лирик, благоволивший к чистому искусству, но добровольно принесший много «жертв временному элементу поэзии» [47, с. 272] под воздействием получившей распространение трактовки его произведений через призму утилитарного подхода.

Подобно А. Дружинину, многие русские писатели, выступающие в защиту свободы и самодостаточности искусства, конкретизируют тему влияния литературной критики на творческое сознание художника, осмысливая ее в контексте национальной культуры. Чаще всего ими отмечается негативное воздействие на искусство и читателя революционно-демократической критики 1860-х гг. Например, Д. Бурлюк упрекает ее за формирование у публики чуткости исключительно к содержанию произведения, следствием чего оказывается неспособность читателя/зрителя откликаться на новые художественные формы: «Мы воспитаны на школе “русских рационалистов” – Писарева, Чернышевского, Добролюбова. <...> Это всегда надо помнить, слушая нападки и выступления против нового искусства – против свободы творчества, против невиданных форм» [35, с. 144]. В. Набоков, характеризуя шестидесятников как тех, кто способствовал укоренению в русской культуре утилитарного подхода к литературе, отмечает, что, хотя по образованию, интеллектуальным и нравственным качествам, общественным идеалам они «стояли неизмеримо выше тех проходимцев, которых подкармливало государство, или старых бестолковых реакционеров, топтавшихся вокруг сотрясаемого трона» [33, с. 30], но в отношении искусства поступали так же, как их политические оппоненты: использовали литературу для пропаганды собственной идеологии.

Н. Ульянов указывает, что эстетика критиков революционно-демократического лагеря привела к появлению «не только писателей, старательно вытравлявших и заглушавших в себе художника, но и соответствующего читателя, равнодушного к культуре слова, к сделанности литературного произведения и чуждого какого бы то ни было понимания символичности искусства» [40, с. 35]. При этом Н. Ульянов в отличие от В. Набокова, отдающего дань высоким гражданским качествам шестидесятников, ограничивается негативной характеристикой их влияния на литературную жизнь своей страны. Преобладание у литераторов второй волны русского зарубежья прагматического отношения к художественному творчеству писатель объясняет исключительно литературным воспитанием, полученным будущими эмигрантами в СССР, не принимая в расчет возможный внутренний порыв высказать то, что было запрещено, что наболело и рвется наружу, а также самостоятельное, не опосредованное влиянием советской эстетики стремление любыми путями противодействовать политике СССР, в том числе и с помощью литературы. Рассматривая политизированность эмигрантов исключительно как следствие их духовного формирования в условиях советской действительности, Н. Ульянов отмечает: «...Мы принесли тип писателя, которого не требовалось обламывать и загонять в ярмо политики, мы в этом ярме родились и никакого другого назначения литературы не понимали» [40, с. 12]. Себя от этой среды в данном случае Н. Ульянов не отделяет, хотя в его статьях преобладает дистантный взгляд на «новых эмигрантов», возможно, не читавших Д. Писарева, но усвоивших его учение «через советскую школу, через советское искусствознание, через самую советскую литературу» [40, с. 34].

К числу тех, кто видит причиной популярности в русской литературе проповедническо-морализаторского вектора творческой деятельности немалое влияние критики представителей революционно-демократического лагеря, относится С. Довлатов, который по поводу истории развития отечественной словесности замечает: «Критика предъявляла к литературе требования, менее всего связанные с ее эстетическими качествами и касающимися главным образом ее общественно-политических тенденций. От русской литературы ожидали заботы о народном благе, призывов к просвещению и не в последнюю очередь – захватывающей и убедительной

проповеди» [45, с. 96–97]. Согласно С. Довлатову, эта традиция находит последователей и в эмигрантской среде, которые не обладают «бескорыстием и страстью» предшественников, но умножают их «заблуждения» [45, с. 103].

Наряду с тем, что в литературной критике писателей, выступающих в защиту независимости литературы, выделяются причины утилитарного подхода к искусству, обусловленные стремлением творческой личности к участию в разрешении проблем общественного масштаба, выявляются попытки прагматизации искусства, продиктованные личными амбициями художника. В отличие от первых, которые часто воспринимаются поборниками автономии искусства с симпатией или пониманием, вторые могут подвергаться критике. Так, в статье А. Дружинина «“Метель”. – “Два гусара”. Повести графа Л. Н. Толстого» (1856) отмечается такая психологическая подоплека стремления к назидательности в искусстве, как жажда художника, особенно начинающего, выступить в роли учителя. Автор статьи убежден в несостоятельности и опасности подобных претензий, необходимости для осуществления проповедничества глубоких знаний и морально-нравственной зрелости. В данном случае предметом критики оказывается не только сама установка на дидактизм в литературе, но и уровень компетентности писателей-дидактиков в тех вопросах, которые они пытаются решить средствами искусства.

Утилитарный подход к искусству как следствие личных интересов литератора оказывается и в поле зрения Н. Ульянова, который обращает внимание на попытки идеологизации искусства, обусловленные стремлением отдельных писателей за счет резонансных тем удержаться на плаву, обрести успех. Утверждая, что о пережитых эмигрантами испытаниях целесообразно было бы поведать миру средствами публицистики, выбор для этой цели художественной литературы критик объясняет корыстным расчетом. Если публицистика, с ульяновской точки зрения, требует большого мастерства, эрудиции и профессионализма, то для художественных произведений «на “животрепещущую” тему... надо только облюбовать какой-нибудь затасканный литературный штамп и набить в нем руку» [40, с. 41]. Очевидна спорность ульяновских суждений о сущности и возможностях художественного творчества, но обращает на себя внимание то, что писатель осмысливает эту тему с позиций противника утилитаризма.

Заключение. В литературной критике представителей русской словесности, отстаивающих автономию искусства, выявляется целый комплекс причин утилитарного подхода к художественному творчеству. Последние обнажают разную степень внутренней расположенности художника к предпочтению прагматического взгляда на искусство, характеризуют уровень альтруизма творца при выборе этого пути, раскрывают особенности взаимодействия искусства с другими областями человеческой деятельности.

Отношение писателей, выступающих в защиту самооценности и самодостаточности художественного творчества, к позиции тех, кому присущ утилитарный взгляд на литературу, не является беспалляционно негативным. Оно различается в зависимости от подоплеку избираемого оппонентами эстетического ориентира: если стремление внести вклад в улучшение жизни общества, быть полезным своим соотечественникам в переломные и катастрофические эпохи часто вызывает уважение и поддержку, то прагматический подход к искусству, обусловленный конформизмом, личными амбициями, подвергается критике.

При наличии индивидуальных нюансов трактовки причин существования в писательской среде утилитарного взгляда на литературу многие художники слова – приверженцы автономии искусства – обозначают сходные мотивы попыток прагматического подхода к художественному творчеству, что свидетельствует в пользу объективности их умозаключений, большинство из которых сохраняет свою актуальность в настоящее время.

Список использованных источников

1. Сквозников, В. Д. «Искусство для искусства» / В. Д. Сквозников // Краткая литературная энциклопедия: в 9 т. / гл. ред. А. А. Сурков. – М., 1966. – Т. 3. – С. 193–197.
2. Благой, Д. Душа в заветной лире / Д. Благой // Новый мир. – 1971. – № 6. – С. 220–227.
3. Бухштаб, Б. Я. Фет: очерк жизни и творчества / Б. Я. Бухштаб. – Л.: Наука, 1974. – 135 с.
4. Горбунов, А. П. «Серрапионовы братья» и К. Федин: библиогр. очерк / А. П. Горбунов. – Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1976. – 279 с.

5. Рябцева, Т. Ф. А. В. Дружинин – писатель: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Т. Ф. Рябцева. – Л., 1980. – 169 л.
6. Максимов, Д. Е. Поэзия и проза Ал. Блока / Д. Е. Максимов. – Л.: Совет. писатель, Ленингр. отд-ние, 1981. – 552 с.
7. Максимов, Д. Е. Брюсов-критик / Д. Е. Максимов // Сочинения: в 2 т. / В. Я. Брюсов. – М., 1987. – Т. 2. – С. 5–26.
8. Дарк, О. Загадка Сирина / О. Дарк // Собр. соч.: в 4 т. / В. В. Набоков. – М., 1990. – Т. 1. – С. 403–409.
9. Юнгрен, А. Владимир Набоков как русский дэнди / А. Юнгрен // Классицизм и модернизм: сб. ст. / Тартус. ун-т, Стокгольм. ун-т, Ин-т славян. и балт. яз. – Тарту, 1994. – С. 184–194.
10. Аръев, А. Наша маленькая жизнь / А. Аръев // Собр. прозы: в 3 т. / С. Довлатов. – СПб., 1995. – Т. 1. – С. 5–22.
11. Аннинский, Л. А. Серебро и Чернь: русское, советское, славянское, всемирное в поэзии Серебряного века / Л. А. Аннинский. – М.: Кн. сад, 1997. – 219 с.
12. Вайль, П. Формула любви / П. Вайль // Сергей Довлатов: творчество, личность, судьба / П. Вайль. – СПб., 1999. – С. 183–185.
13. Таркова, И. В. Тема творчества, эстетическая позиция В. Набокова и ее художественная реализация в произведениях русскоязычного цикла: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / И. В. Таркова; Дальневост. гос. ун-т. – Владивосток, 1999. – 24 с.
14. Минц, З. Г. Александр Блок и русские писатели / З. Г. Минц. – СПб.: Искусство, 2000. – 784 с.
15. Скоропанова, И. С. Русская постмодернистская литература: новая философия, новый язык / И. С. Скоропанова. – Минск: Ин-т соврем. знаний, 2000. – 350 с.
16. Гавриленко, Т. А. Концепция «чистого искусства» в историко-литературном контексте середины XIX века: критико-эстетическая мысль и поэтическая практика: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.01 / Т. А. Гавриленко; Дальневост. гос. ун-т. – Владивосток, 2003. – 49 с.
17. Иванюшина, И. Ю. Русский футуризм: идеология, поэтика, прагматика: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.01 / И. Ю. Иванюшина; Саратов. гос. ун-т. – Саратов, 2003. – 46 с.
18. Дерябина, Е. П. Литературное окружение и эстетическая позиция А. А. Фета в 1850-е годы: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Е. П. Дерябина; Новгород. гос. ун-т. – Великий Новгород, 2004. – 21 с.
19. Усачева, Я. С. Эллис – литературный критик: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Я. С. Усачева; Ин-т мировой лит. РАН. – М., 2004. – 19 с.
20. Ратькина, Т. Э. Литературная критика и эссеистика А. Д. Сияевского в оценках отечественной и зарубежной печати: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.10 / Т. Э. Ратькина; Моск. гос. ун-т. – М., 2009. – 24 с.
21. Антошина, Е. В. Понятие «Чистое искусство» в набоковедческом дискурсе первой половины XX / Е. В. Антошина // Филол. науки. Вопр. теории и практики. – 2016. – № 6 (60), ч. 3. – С. 12–14.
22. Шевцова, Л. И. Литературно-критическая деятельность А. В. Дружинина в 40–50-е годы XIX века / Л. И. Шевцова. – 2-е изд., стер. – М.: Флинта, 2016. – 179 с.
23. Эллис (Кобылинский Л. Л.). Неизданное и несобранное / Эллис (Л. Л. Кобылинский). – Томск: Водолей, 2000. – 480 с.
24. Цветаева, М. И. Сочинения: в 2 т. / М. И. Цветаева. – М.: Художеств. лит., 1988. – Т. 2. – 639 с.
25. Ульянов, Н. И. Внуки Лескова / Н. И. Ульянов // Критика русского зарубежья: в 2 ч. / сост., авт. примеч.: О. А. Коростелев, Н. Г. Мельников. – М., 2002. – Ч. 2. – С. 279–298.
26. Терц, А. В тени Гоголя / А. Терц. – М.: КоЛибри, 2009. – 672 с.
27. Фет, А. А. Сочинения: в 2 т. / А. А. Фет. – М.: Художеств. лит., 1982. – Т. 2. – 461 с.
28. Минский, Н. М. Старинный спор / Н. М. Минский // Критика русского символизма: в 2 т. / авт.-сост. Н. А. Богомолов. – М., 2002. – Т. 1. – С. 22–31.
29. Мережковский, Д. С. В тихом омуте: статьи и исследования разных лет / Д. С. Мережковский. – М.: Совет. писатель, 1991. – 491 с.
30. Минский, Н. М. Заветы Пушкина [Электронный ресурс] / Н. М. Минский // А. С. Пушкин: pro et contra: личность и творчество Александра Пушкина в оценке русских мыслителей и исследователей: антология: в 2 т. – СПб., 2000. – Т. 1. – Режим доступа: http://az.lib.ru/m/minskij_n_m/text_1899_zavety_pushkina.shtml. – Дата доступа: 25.04.2024.
31. Набоков, В. В. Собрание сочинений американского периода: в 5 т. / В. В. Набоков. – СПб.: Симпозиум, 2004. – Т. 1. – 608 с.
32. Набоков, В. В. Набоков о Набокове и прочем: интервью, рецензии, эссе. / В. В. Набоков; ред.-сост. Н. Мельников. – М.: Независимая газ., 2002. – 704 с.
33. Набоков, В. В. Лекции по русской литературе / В. В. Набоков. – СПб.: Азбука-классика, 2010. – 446 с.
34. Брюсов, В. Я. Сочинения: в 2 т. / В. Я. Брюсов. – М.: Художеств. лит., 1987. – Т. 2. – 574 с.
35. Бурлюк, Д. Д. Фрагменты из воспоминаний футуриста. Письма. Стихотворения / Д. Д. Бурлюк. – СПб.: Пушкин. фонд, 1994. – 381 с.
36. Блок, А. А. Собрание сочинений: в 8 т. / А. А. Блок. – М.; Л.: Художеств. лит., 1960–1963. – 8 т.
37. Блок, А. А. Революция и культура / А. А. Блок // Диалог поэтов о России и революции / А. А. Блок, А. Белый. – М., 1990. – С. 471–489.
38. Воронский, А. К. Искусство, как познание жизни и современность / А. К. Воронский. – Иваново-Вознесенск: Основа, 1924. – 64 с.
39. Серапионовы братья: антология / сост., вступ. ст., примеч. Т. Ф. Прокопова. – М.: Школа-Пресс, 1998. – 640 с.
40. Ульянов, Н. И. Скрипты / Н. И. Ульянов. – Ann Arbor: Эрмитаж, 1981. – 226 с.
41. Шершеневич, В. Г. Искусство и государство / В. Г. Шершеневич // Жизнь и творчество рус. молодежи. – 1919. – № 28–29. – С. 5.

42. Шершеневич, В. Г. Листы имажиниста / В. Г. Шершеневич. – Ярославль: Верх.-Волж. кн. изд-во, 1997. – 526 с.
43. Замятин, Е. И. Сочинения / Е. И. Замятин. – М.: Книга, 1988. – 575 с.
44. Кропивницкий, Е. Л. Избранное: 736 стихотворений + другие материалы / Е. Л. Кропивницкий. – М.: Культура. – 2004. – 672 с.
45. Довлатов, С. Д. Блеск и нищета русской литературы: филол. проза / С. Д. Довлатов. – СПб.: Азбука, 2012. – 256 с.
46. Мережковский, Д. С. Полное собрание сочинений: в 24 т. / Д. С. Мережковский. – М.: Т-во И. Д. Сытина, 1914. – Т. 18. – 275 с.
47. Дружинин, А. В. Прекрасное и вечное / А. В. Дружинин. – М.: Современник, 1988. – 543 с.
48. Фет, А. А. Сочинения и письма: в 20 т. / А. А. Фет. – М.; СПб.: Акад. проект, 2002–2015. – Т. 3. – 2006. – 517 с.

References

1. Skvoznikov V. D. «Art for art's sake». *Brief literary encyclopedia: in 9 vol. Vol. 3.* Moscow, 1966, pp. 193–197 (in Russian).
2. Blagoi D. Soul in the treasured lyre. *Novyi mir* [New World], 1971, no. 6, pp. 220–227 (in Russian).
3. Bukhshtab B. Ya. *Fet: an essay on his life and work.* Leningrad, Nauka Publ., 1974. 135 p. (in Russian).
4. Gorbunov A. P. «*The Serapion Brothers*» and *K. Fedin: bibliographic essay.* Irkutsk, East Siberian Book Publishing House, 1976. 279 p. (in Russian).
5. Ryabtseva T. F. *A. V. Druzhinin – writer.* Ph. D. Thesis. Leningrad, 1980. 169 p. (in Russian).
6. Maksimov D. E. *Poetry and prose by Al. Blok.* Leningrad, Sovetskii pisatel' Publ., 1981. 552 p. (in Russian).
7. Maksimov D. E. Bryusov the critic. *V. Ya. Bryusov. Works: in 2 vol. Vol. 2.* Moscow, 1987, pp. 5–26 (in Russian).
8. Dark O. Sirin's riddle. *V. V. Nabokov. Collected works: in 4 vol. Vol. 1.* Moscow, 1990, pp. 403–409 (in Russian).
9. Yunggren A. Vladimir Nabokov as a Russian dandy. *Klassitsizm i modernizm: sbornik statei* [Classicism and modernism: collection of articles]. Tartu, 1994, pp. 184–194 (in Russian).
10. Ar'ev A. Our little life. *Collection of prose: in 3 vol. Vol. 1.* St. Petersburg, 1995, pp. 5–22 (in Russian).
11. Anninskii L. A. *Silver and Crowd: Russian, Soviet, Slavic, Worldwide in the poetry of the Silver Age.* Moscow, Knizhnyi sad Publ., 1997. 219 p. (in Russian).
12. Vail' P. Love formula. *Sergei Dovlatov: creativity, personality, destiny.* St. Petersburg, 1999, pp. 183–185 (in Russian).
13. Tarkova I. V. *The theme of creativity, the aesthetic position of V. Nabokov and its artistic realization in the works of the Russian-language cycle.* Abstract of Ph. D. diss. Vladivostok, 1999. 24 p. (in Russian).
14. Mints Z. G. *Alexander Blok and Russian writers.* St. Petersburg, Iskustvo Publ., 2000. 784 p. (in Russian).
15. Skoropanova I. S. *Russian postmodernist literature: new philosophy, new language.* Minsk, Institute of Modern Knowledge, 2000. 350 p. (in Russian).
16. Gavrilenko T. A. *The concept of «pure art» in the historical and literary context of the mid-19th century: critical and aesthetic thought and poetic practice.* Abstract of Ph. D. diss. Vladivostok, 2003. 49 p. (in Russian).
17. Ivanyushina I. Yu. *Russian futurism: ideology, poetics, pragmatics.* Abstract of Ph. D. diss. Saratov, 2003. 46 p. (in Russian).
18. Deryabina E. P. *Literary environment and aesthetic position of A. A. Fet in the 1850s.* Abstract of Ph. D. diss. Veliky Novgorod, 2004. 21 p. (in Russian).
19. Usacheva Ya. S. *Ellis is a literary critic.* Abstract of Ph. D. diss. Moscow, 2004. 19 p. (in Russian).
20. Rat'kina T. E. *Literary criticism and essays by A. D. Sinyavsky in the assessments of the domestic and foreign press.* Abstract of Ph. D. diss. Moscow, 2009. 24 p. (in Russian).
21. Antoshina E. V. The notion “pure art” in the discourse of Nabokov's studies of the first half of the XX century. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki = Philology. Theory & Practice*, 2016, no. 6 (60), pt. 3, pp. 12–14 (in Russian).
22. Shevtsova L. I. *Literary and critical activity of A. V. Druzhinin in the 40–50s of the XIX century.* 2nd ed. Moscow, Flinta Publ., 2016. 179 p. (in Russian).
23. Ellis (Kobylynskii L. L.). *Unreleased and uncollected.* Tomsk, Vodolei Publ., 2000. 480 p. (in Russian).
24. Tsvetaeva M. I. *Works: in 2 vol. Vol. 2.* Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1988. 639 p. (in Russian).
25. Ul'yanov N. I. Leskov's grandchildren. *Criticism of Russian diaspora. Part 2.* Moscow, 2002, pp. 279–298 (in Russian).
26. Terts A. *In the shadow of Gogol.* Moscow, KoLibri Publ., 2009. 672 p. (in Russian).
27. Fet A. A. *Works: in 2 vol. Vol. 2.* Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1982. 461 p. (in Russian).
28. Minskii N. M. The old dispute. *Criticism of Russian symbolism. Vol. 1.* Moscow, 2002, pp. 22–31 (in Russian).
29. Merezkovskii D. S. *Still waters: articles and research of different years.* Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1991. 491 p. (in Russian).
30. Minskii N. M. The testaments of Pushkin. *A. S. Pushkin: pro et contra: the personality and creativity of Alexander Pushkin in the assessment of Russian thinkers and researchers: anthology. Vol. 1.* St. Petersburg, 2000. Available at: http://az.lib.ru/m/minskij_n_m/text_1899_zavety_pushkina.shtml (accessed 25.04.2024) (in Russian).
31. Nabokov V. V. *Collected works of the American period. Vol. 1.* St. Petersburg, Simpozium Publ., 2004. 608 p. (in Russian).
32. Nabokov V. V. *Nabokov on Nabokov and other things: interviews, reviews, essays.* Moscow, Nezavisimaya gazeta Publ., 2002. 704 p. (in Russian).
33. Nabokov V. V. *Lectures on Russian literature.* St. Petersburg, Azbuka-klassika Publ., 2010. 446 p. (in Russian).
34. Bryusov V. Ya. *Works: in 2 vol. Vol. 2.* Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1987. 574 p. (in Russian).
35. Burluk D. D. *Fragments from the memoirs of a futurist. Letters. Poems.* St. Petersburg, Pushkinskii Fond Publ., 1994. 381 p. (in Russian).

36. Blok A. A. *Collected works: in 8 vol.* Moscow, Leningrad, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1960–1963. 8 vol. (in Russian).
37. Blok A. A. Revolution and culture. *Dialogue of poets about Russia and the revolution.* Moscow, 1990, pp. 471–489 (in Russian).
38. Voronskii A. K. *Art as knowledge of life and modernity.* Ivanovo-Voznesensk, Osnova Publ., 1924. 64 p. (in Russian).
39. Prokopova T. F. (comp.). *Serapion brothers: anthology.* Moscow, Shkola-Press Publ., 1998. 640 p. (in Russian).
40. Ul'yanov N. I. *Scripts.* Ann Arbor, Ermitazh Publ., 1981. 226 p. (in Russian).
41. Shershenevich V. G. Art and the State. *Zhizn' i tvorchestvo russkoi molodezhi* [Life and Creativity of Russian Youth], 1919, no. 28–29, p. 5 (in Russian).
42. Shershenevich V. G. *Imagist sheets.* Yaroslavl, Upper Volga Book Publishing House, 1997. 526 p. (in Russian).
43. Zamyatin E. I. *Works.* Moscow, Kniga Publ., 1988. 575 p. (in Russian).
44. Kropivnitskii E. L. *Favorites: 736 poems + other materials.* Moscow, Kul'turnyi sloi Publ., 2004. 672 p. (in Russian).
45. Dovlatov S. D. *The brilliance and poverty of Russian literature: philological prose.* St. Petersburg, Azbuka Publ., 2012. 256 p. (in Russian).
46. Merezhkovskii D. S. *The complete works: in 24 vol. Vol. 18.* Moscow, I. D. Sytin Publ., 1914. 275 p. (in Russian).
47. Druzhinin A. V. *Beautiful and eternal.* Moscow, Sovremennik Publ., 1988. 543 p. (in Russian).
48. Fet A. A. *Works and letters: in 20 vol. Vol. 3.* Moscow, St. Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 2006. 517 p. (in Russian).

Информация об авторе

Данилович Татьяна Валерьевна – кандидат филологических наук, доцент. Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка (ул. Советская, 18, 230030, Минск, Республика Беларусь). E-mail: tanya.tada@mail.ru <https://orcid.org/0000-0002-2020-0857>

Information about the author

Tatiana V. Danilovich – Ph. D. (Philol.), Associate Professor. Maxim Tank Belarusian State Pedagogical University (18 Sovetskaya Str., Minsk 230030, Belarus). E-mail: tanya.tada@mail.ru <https://orcid.org/0000-0002-2020-0857>